

ГАЛИНА ГОРДИЕНКО

КАНИКУЛЫ ПРИНЦЕССЫ

МОЙ ПЕРВЫЙ РОМАН

Мой первый роман

Галина Гордиенко

Каникулы принцессы

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гордиенко Г. А.

Каникулы принцессы / Г. А. Гордиенко — «Издательство АСТ»,
2022 — (Мой первый роман)

ISBN 978-5-17-148565-8

Катя Ивлева — обычная тринадцатилетняя девчонка. Она ходит в школу, скучает на уроках и мечтает о красивой жизни. Однажды Катя узнала, что в роду у нее были дворяне. И если бы не революция 1917 года, сейчас она бы кружилась на балу в пышном платье, а не сидела за партой. «Каникулы принцессы» Галины Гордиенко — это история о том, что наши мечты имеют свойство сбываться. Но так ли это здорово? Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148565-8

© Гордиенко Г. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Галина Гордиенко	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Галина Гордиенко

Каникулы принцессы

© Гордиенко Г. А., 2022

© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Глава 1

Письмо деду Морозу

– Ваша светлость, мы опять получили письма из резиденции русского деда Мороза.

Герцогиня Хостонская нехотя оторвалась от компьютера, она просматривала присланные счета.

– Снова бесконечные просьбы, написанные под диктовку родителей? – устало пробормотала она. – Что на этот раз? Очередные жалобы на маленькие квартиры? Кому-то нужны компьютеры или последние модели сотовых телефонов? Плазменные телевизоры и куклы Барби?

– Ну что Вы, ваша светлость, я бы не стал беспокоить Вас из-за таких пустяков!

– Почему же пустяков? По словам бабушки, во мне течет кровь невинно убиенных Романовых, пусть немного, но она обязывает, Орсли, ты должен это понимать...

Вдовствующая герцогиня Хостонская печально усмехнулась, признавая, что не так уж много она сделала для россиян за последние годы. Чаще ограничивалась коротким приказом управляющему – он и занимался, собственно, письмами – а сама благополучно забывала о соотечественниках далеких предков до следующего Нового года.

Впрочем, нужно отдать герцогине должное: она никогда не жалела о деньгах, потраченных на маленьких россиян. Да и незаметны были эти небольшие «кровопускания» для ее огромного состояния.

– На этот раз, ваша светлость, среди стандартных детских прошений есть одно необычное, – вкрадчиво заметил управляющий, его несколько беспокоило затянувшееся уединение хозяйки. – Думаю, оно покажется Вам любопытным.

– И что там? – герцогиня подошла к окну. Бросила быстрый взгляд на зимний сад и недовольно поморщилась: голо и скучно. – Кто-то снова мечтает о поездке в Париж или Лондон на Рождество?

Орсли отрицательно помотал седой головой и хитро ухмыльнулся. Герцогиня обернулась и с досадой воскликнула:

– Вы прижимаете к сердцу этот грязный конверт с таким видом, будто письмо отправлено любимой внучкой!

– Нет, ваша светлость, – с достоинством парировал Орсли, – письмо написано русской девочкой Катей из Вологодской области.

– Русской девочкой Катей, – зачем-то повторила герцогиня.

И покорились судьбе, понимая, что от упрямого Орсли так просто не избавиться. Если уж управляющий вбил себе в голову, что ей нужно прочесть это письмо, то непременно добьется своего, так или иначе.

Герцогиня Хостонская постаралась вспомнить, с какого времени она вменила себе в обязанность помогать русскому деду Морозу, но так и не смогла. Сейчас казалось: идея принадлежала не ей, а покойному мужу. Именно он назубок знал практически все родословные Англии, как и родственные связи с известнейшими фамилиями других стран. Герцог гордился тем, что в жилах сына течет и капля крови российского царствующего дома.

– Ну и чем тебя заинтересовало именно это письмо? – проворчала герцогиня. – Девочка написала его в стихах? Пожелала солнце с неба, и ты решил отправить его завтра же наложенным платежом?

– Нет, Ваша светлость.

– Ну же, Орсли, не тни, – вяло запротестовала герцогиня. – Ты оторвал меня от работы, я так и не просмотрела толком счета за ремонт загородного поместья, а ты сам уверял, что это срочно.

– Действительно так, ваша светлость, – кротко подтвердил Орсли.

Его тонкие губы подрагивали в такой лукавой улыбке, что герцогиня сдалась. Села в кресло и сказала:

– Хорошо, Орсли, слушаю. Поделись со мной – о чем же мечтает русская девочка Катя из Вологодской области?

– Неделю побыть принцессой, ваша светлость, всего лишь. Или на худой конец – маленькой герцогиней!

– К-кем? – неверяще переспросила вдовствующая герцогиня.

– Такая вот мечта, – обычно холодные глаза старого Орсли смеялись. – Неделю каждое утро просыпаться принцессой и жить ее жизнью, интересами и обязанностями. Впрочем, скорее – воспользоваться ее привилегиями.

Герцогиня Хостонская закашлялась. Ее лицо покраснелось, голубые глаза больше не казались безразличными, в них загорелись такие знакомые Орсли живые огоньки.

Управляющий удовлетворенно усмехнулся и, пряча улыбку, отдал ей письмо. Герцогиня прочла его, с трудом разбирая угловатый детский почерк, она неплохо знала русский язык и искренне любила за неоднозначность и «ласкательные» суффиксы. Английский язык рядом с русским казался ей однополярным, суховатым, слишком «правильным», что ли. В нем нет тайны!

Управляющий Орсли наблюдал за хозяйкой с нескрываемым любопытством, он первый раз столкнулся со столь необычной просьбой к деду Морозу. Фантазия и амбиции тринадцатилетней девочки вызвали у старика уважение, и Орсли терпеливо ждал решения герцогини.

– Она, что же, считает, что жизнь маленькой принцессы или герцогини так безоблачна? – изумленно пробормотала герцогиня Хостонская, в четвертый раз перечитывая странное письмо.

– Думаю, так, ваша светлость.

– Надеется провести эту неделю в праздности, меряя красивые платья и разъезжая по балам?

– Вероятно.

– Но... будни принцессы многотрудны, – угрюмо запротестовала герцогиня. – У обычной девочки гораздо больше свободного времени, больше подруг и... увеселений!

– Русская Катя об этом не подозревает, – мягко усмехнулся Орсли. – Что Вы хотите, ваша светлость, ребенок вначале читался сказок, потом романов, посмотрелся дешевых сериалов...

– «Моя самая заветная мечта – пусть только на неделю! – оказаться принцессой, – прочла вслух герцогиня Хостонская. – Или герцогиней, только обязательно настоящей. Папа говорит: наш прадедушка – из старинного дворянского рода, даже боярского, если брать глубже. Выходит, если б не революция в двадцатом веке, я, в самом деле, была бы очень знатной...»

Орсли рассмеялся. Герцогиня раздраженно передернула плечами и продолжила:

– «...Понимаю – я достаточно взрослая, мне в январе исполнится тринадцать – и не должна верить в деда Мороза и другие такие же сказки. Я и не верю. Ну, почти! И все же решила написать: а вдруг он есть, а? Тогда он взмахнет своей волшебной палочкой, и я наутро... Да, именно так! Я засну в своей постели, а проснусь в настоящем, самом настоящем дворце принцессой! Или пусть герцогиней, но чтоб меня называли непременно «вашей светлостью» или «вашим сиятельством», не знаю, что правильнее. И я буду целую неделю жить не своей скучной, обычной жизнью, а...»

Герцогиня откинулась на спинку кресла и задумчиво улыбнулась. Управляющий деликатно кашлянул. Она вздрогнула и закончила:

– «...а жизнью аристократки, причем самой-самой крутой. Дед Мороз, если ты все же есть, исполни, пожалуйста, это желание. Эту заветную мечту, так вернее! Всего неделю насто-

ящей жизни, разве я много прошу? Насовсем я и не хочу, мне просто жаль маму и папу, они без меня не смогут, я у них единственная. Но на недельку... Ну что тебе стоит, дед Мороз, а? С большой и пламенной любовью, Катя Ивлева».

Герцогиня повертела в руках исписанный листок. Заглянула в конверт и сердито добавила:

– Представляешь, девчонка и фотографию вложила, чтобы старик ее ни с кем не перепутал!

– Старик?

– Это я про деда Мороза.

– Действительно, старик, – кротко согласился Орсли.

И снова удовлетворенно отметил, что лицо герцогини потеряло скучающее выражение. Она вновь приобрела присущую ей царственную осанку. Большие голубые глаза теперь не казались Орсли потухшими и безжизненными, они искрились, как и год назад, до смерти мужа.

Орсли незаметно потер руки: «Кажется, я не зря сидел над этой ужасающей грудой писем. Теперь бы как-то закрепить успех... – Его губы дрогнули в грустной усмешке. – Бедняжка слишком замкнуто жила последнее время, слишком много горевала. Да и о сыне забыла, юный герцог живет в родном доме как беспризорник, это никуда не годится...»

Герцогиня вернула фотографию в конверт и задумчиво протянула:

– Что ж, мечты порой имеют обыкновение сбываться, как считаешь, Орсли?

Старик ничего не ответил, лишь смотрел внимательно. И правая бровь приподнялась над глазом забавным домиком – так всегда случалось, когда Орсли волновался.

Герцогиня вдруг улыбнулась, лицо ее мгновенно помолодело, будто и не было этого кошмарного года. Не было нестерпимого одиночества, нежелания жить – вставать каждый день из чувства долга, что-то делать из чувства долга, говорить из чувства долга, кому-то улыбаться...

И она с неожиданной робостью предложила:

– Пусть так: русская девочка Катя уснет в пятницу в своей постели, а проснется в субботу в нашем замке маленькой герцогиней. Или принцессой, одно и то же, по сути. Впереди как раз рождественские праздники...

Сердце Орсли забилось с неожиданной для его лет силой, сухие смуглые пальцы задрожали, и дворецкий поспешно заложил руки за спину. Склонил голову и с деланным равнодушием произнес:

– Как скажете, ваша светлость.

– Только непременно получите согласие ее родителей! – голос вдовствующей герцогини Хостанской оживленно зазвенел. – Вряд ли они будут против недели каникул для единственной дочери, если прочтут это письмо...

Глава 2

Катя Ивлева

Будильник звенел пронзительно, Катя никак не могла его нащупать. Шлепала ладонью по прикроватной тумбочке и все промахивалась и промахивалась.

Она с трудом открыла глаза и села в постели. Со злостью посмотрела на тумбочку и рассмеялась: будильник держала в руках мама.

– Так вот почему я не сумела его прихлопнуть, – пробормотала Катя хрипловатым со сна голосом.

– Именно, – кивнула мама. – Зато сегодня ты не будешь метаться по квартире, перебросив язык через плечо! В кои-то веки нормально позавтракаешь и без спешки соберешь ранец.

– Подумаешь...

– Вот и подумаешь! – рассердилась вдруг мама, кивнув на разбросанные по столу учебники. – Сколько раз говорила – готовься к школе с вечера, незачем с утра носиться как оглашенная!

– Ма, ну что ты опять... – Катя сладко зевнула. – Каждый день одно и то же, одно и то же...

– Думаешь, приятно все это повторять? – язвительно хмыкнула мама. – Да я язык уже стерла! В жизни не видела такой лентяйки, вот честное слово! Лень, Катька, точно вперед тебя родилась, я раньше никогда не понимала этой поговорки, зато теперь...

– И что теперь?! – оскорбленно выкрикнула Катя.

– Прочувствовала каждое словечко!

Мама поставила будильник на тумбочку. Покосилась на единственную дочь и поспешно отвернулась, пряча улыбку: мрачная Катька сопела как паровоз, неохотно заправляя постель. Тощая, все позвонки отчетливо видны, голенастая, темно-русые волосы после сна веером стоят вокруг головы...

– Не дуйся, – примирительно заметила мама. – Сегодня на завтрак твои любимые оладышки.

– Оладышки! – раздраженно фыркнула Катя. – Вначале расстроила...

– Катька, не ворчи! Тебе что, сто лет завтра исполнится?

Катя проводила взглядом смеющуюся маму и с досадой подумала: «Если бы не революция! Вот ведь не повезло...»

При маме этих слов она уже не говорила. Мама сразу начинала сердиться. И на нее, Катю, и на собственного отца, который легкомысленно рассказал внучке, кем были ее прадеды. Еще и фотографии старинные показал и какие-то пожелтевшие бумаги, сохранившиеся в семье с позапрошлого века.

Вот дочь с ума и сошла: как же, она дворянских корней, подайте ей платья бальные, драгоценностей побольше, дом-усадьбу, непременно с колоннами, как на старой фотографии, а главное – почтительных слуг, раз по рождению положены.

При этом Катька – что больше всего поражало Антонину Романовну – совершенно игнорировала других своих предков, а ведь среди них были не только казаки и купцы, но и самые настоящие крепостные. Дочь быстренько списала их наличие на проклятую революцию – все она виновата! – и выбросила из головы.

Катя подошла к зеркалу. Придирчиво осмотрела себя и поморщилась: да-а, паршивенько! Ее знатные предки в гробах бы перевернулись, предстань она перед ними в таком затрапезном виде, как только мама не понимает?

Дешевка, не вещи...

А ведь она – самая настоящая дворянка!

Катя обиженно шмыгнула носом: мама совершенно не желала с ней считаться. Покупала всю одежду на рынке или в недорогих магазинах. Катя фирменные джинсы видела лишь в рекламе или на однокласснице Верке Сидоренко, толстой, как корова, такой же добродушной и глупой.

Вот бы ей, Кате, такие джинсы!

Мама же только смеялась – мол, дворянство в старину могли дать за заслуги перед Отечеством кому угодно, как и лишить за предательство, леность или бездарность. Дворянство – это не только знатные предки, но и воспитание, и обязательства перед Родиной, и трудная служба на ее благо, и...

Что б она понимала! Будто Катя книг не читала или фильмов не смотрела.

Дворянство – это... балы! Это прекрасные платья! Это сон до полудня! Это слуги, сдувающие с тебя пыль! Это путешествия по всему миру! Это простолюдины, почтительно заглядывающие тебе в рот! Это драгоценности! Это...

Катя судорожно вздохнула, прогоняя глупые, пораженческие мысли: никогда-никогда!!! – ей не жить такой чудной, такой сказочной жизнью. Так что придется сейчас жевать за завтраком простые оладышки, а не глотать живьем таинственных устриц или наслаждаться трепангами, интересно, что это такое? А потом придется тащиться в самую обычную районную школу в самых обычных джинсах, сшитых трудолюбивыми китайцами.

Не повезло ей!

Вот родись она, Катя, году эдак в тысяча девятьсот... – тьфу, пропасть, а революция?! – нет, лучше – в тысяча восемьсот пятидесятом...

* * *

В школу сегодня Катя шла неохотно, можно сказать, переступая через собственное «я». Одноклассники казались людьми примитивными, неинтересными, даже странно – что она раньше в них находила? Еще и дружила с Ленкой Плющенко, сейчас и не верится. И Васька Гончаров ей нравился, а у него мать – обычная медсестра, отец – крановщик...

Катя презрительно фыркнула: когда она спросила Ваську о предках, он лишь плечами пожал – мол, никогда не интересовался. Вот дедушки-бабушки – это святое, о них он все знает, а дальше...

И понятно, кого волнуют простые работяги? Вот были б предки у Васьки аристократами, как у нее, Кати, другое дело. Тогда б Васька с гордостью их перечислил.

Катя переступила порог класса и брезгливо поморщилась: с кем приходится общаться? Плебеи, все до одного плебеи!

А все из-за папы с мамой. Наверняка ведь есть в городе лицеи или гимназии, где учатся такие, как она, люди с благородной кровью, жаль, родители и слышать об этом не хотят. Папа смеется, а мама сердится и обзывает Катю всякими непонятными словами. Обвиняет в снобизме, например. Оба в один голос заверяют, что у Кати очень хорошая школа. С сильными учителями и великолепными традициями. И она – она, Катя! – должна гордиться, что там учится.

Гордиться – надо же...

Было б чем!

Катя бросила ранец на стол и сожалеюще покосилась на ближайшую подругу: лицо у Ленки... Простое-простое, никакой изюминки, можно сказать – крестьянское. Круглое, как луна. Глазки голубенькие, бровки над ними – смешными домиками, такие светлые, их с двух шагов не разглядеть, ресницы – жалкие коротенькие щеточки, розовые, как у поросенка. Правда, волосы у Ленки – ничего, пшенично-белые, густые, но и их дурочка Плющенко стяги-

вает в тугие детские косы. Никак не поймет: они уже девушки, вот-вот по тринадцать исполнится, им нельзя причесываться как первоклассницам и так же одеваться.

Катя фыркнула: Ленка – такой крутой наив! Словно не в двадцать первом веке живет, а в девятнадцатом. Эдакая тургеневская дева – спокойная, доброжелательная, медлительная, вечно мечтающая о чем-то, будто не живет, а спит.

Катя снисходительно кивнула на Ленино приветствие. Поискала взглядом Ваську и недовольно скривилась: Гончарова невесть с чего занесло к столу Наташки Подгорной. Сидит рядом и что-то оживленно рассказывает. А Наташка внимательно слушает, будто и нет ничего необычного в Васькином поведении.

Катя заставила себя отвернуться: ей-то какое дело до этих... простолюдинов?!

И невольно покраснела: Натка Подгорная гораздо больше Кати походила на аристократку. Изящная, золотоволосая, зеленоглазая, она с пяти лет занималась художественной гимнастикой и постоянно ездила на соревнования, почти всегда занимая призовые места. Наташу Подгорную все считали настоящей красавицей.

На школьных вечерах именно она открывала концерты, летая над сценой то с лентами, то с мячиком, то с обручем или булавой. Воздушная, яркая, она всегда срывала шквал аплодисментов и исчезала за кулисами, провожаемая восхищенными взглядами зрителей.

Катя не любила ее. Сама не могла сказать – за что именно. Ведь Наташа, если честно, ничего плохого ей не сделала. И держалась Подгорная всегда отстраненно, не имея в классе друзей. Что понятно. Слишком часто она отсутствовала, слишком плотно расписаны дни, ни минуты лишней на дружбу или встречи вне школы.

Но... Наташка не имела права быть такой... такой красивой! Почему не у Кати зеленые глаза и легкие золотистые кудри?! Почему она, Катя, не умеет так ослепительно улыбаться, а в ее взгляде нет Наташиной безмятежности? Это... несправедливо!

И Катя, порой стыдясь себя, радовалась Наташиным тройкам по математике и физике, ее неуверенным и невнятным ответам. Ядовито думала, провожая глазами опечаленную очередной тройкой школьную знаменитость: «Так тебе и надо! Это не ножками на сцене дрыгать и ленточками размахивать!»

Единственное, в чем Катя невольно отдавала однокласснице должное: Наташа не задавалась. Будто и не существовало ее грамот, кубков и медалей, будто не было в городской прессе хвалебных статей в ее адрес – как же – олимпийская надежда! – а по телику не показывали отрывки из ее выступлений.

«Зато она троечница, – с мрачным удовлетворением подумала Катя, неприязненно рассматривая хрупкую фигурку. – И дура, наверное. Непонятно, чего ради Васька около нее вертится. Конечно, Натка – смазливая...»

Катя зажмурилась и даже головой потрясла: не хватало еще завидовать этой... этой... ящерице зеленоглазой, вот! И засмеялась: Подгорная действительно походила на ящерицу. Видела как-то Катя в Крыму такую, ящерица дремала на камне, грелась на жарком солнышке – гибкая, изящная, ярко-зеленая, совсем как Наташкины глаза. И исчезла мгновенно, едва Катя протянула к камню руку. Фу! И что она привязалась сегодня к Подгорной?! Нужна ей Наташка сто лет, как же...

– Ты что фыркаешь, как еж? Случилось что-то? – Лена внимательно смотрела на подругу.

– Вот еще, – передернула плечами Катя. – Просто я с утра с мамой поцапалась. Прикинь, она снова не дала мне накраситься перед школой! У нее совершенно ископаемые представления обо всем, а уж о косметике... Как мне надоели ее нотации, ты бы знала!

– А мне нравятся твои родители, – Лена раскрыла учебник по географии. Немного помолчала и печально сказала: – Они относятся к тебе всерьез, понимаешь? Мои обо мне и не помнят, наверное. Накрашусь я или нет, мама вряд ли заметит. Если честно, я ее практически не вижу. Они почти всегда возвращаются, когда я сплю, все их бизнес противный...

– Дура ты, Ленка, и уши у тебя холодные, – хмыкнула Катя. – Разве плохо – сама себе хозяйка? Мне бы твою свободу, ух, я бы развернулась...

– Это тебе так кажется.

– Считаешь, самая умная? – Катины глаза недобро блеснули.

– Не считаю, – коротко ответила Лена и отвернулась.

Последнее время ей трудно с Катей. Ивлева стала злой, так и норовила уколоть побольнее. И вне школы они практически перестали встречаться.

Лена помрачнела, вспомнив, как позавчера Катя язвительно прошлась насчет ее лишнего веса и отсутствия «настоящего» характера. Мол, был бы он, Ленка не метала б в рот все подряд, как рождественский поросенок.

Будто Ивлева не знала, насколько подруга комплексовала из-за лишних своих килограммов, будто не дружили они с первого класса! «Наверное, Катька права, у меня нет силы воли, – угрюмо думала Лена. – Я ненавижу смотреть в зеркало! Знаю, что безобразно толстая, и все же ем все подряд, я так люблю сладкое...»

Лена печально улыбнулась: до Нового года осталось всего ничего, меньше трех недель. Даже если она сядет на очередную диету, ей не избавиться от безобразных пухлых складок по бокам. И ноги ее никогда не будут такими стройными, как у Катьки, нечего и мечтать надеть на новогодний вечер платье или короткую юбку, лучше уж джинсы, как всегда. Конечно, Лена и в них не кажется стройной, но... над ней хотя бы смеяться не будут. И ни один мальчишка не пригласит ее танцевать! Лену ни разу не приглашали. Ни разу в жизни! Катька права – она жирная. Она просто уродина! Лена полжизни бы отдала, чтобы стать такой же худенькой, как Катька. Лена не любила праздники. И чувствовала себя преступницей, протягивая руку за добавкой – мама так вкусно готовила!

В новогоднюю ночь стол буквально ломился от любимых блюд: разнообразные салаты; горячий, только что из духовки гусь с золотистой корочкой, фаршированный рисом, черносливом и яблоками; домашняя буженина, запах от нее буквально сводил с ума; овощные блюда, рыбные, а на сладкое...

Лена зажмурилась, заранее смиряясь с неизбежным злом – парой-тройкой лишних килограммов, от которых потом так трудно избавиться, почти невозможно, если уж честно.

– Плющенко, что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь?

Лена вздрогнула от неожиданности: она и не заметила, как в класс вошла Луиза Ивановна, классный руководитель и учительница русского языка и литературы.

– Живот болит? – сочувственно допытывалась Луиза Ивановна.

В классе засмеялись. Катя громко фыркнула. Лена жарко вспыхнула и пролепетала:

– Н-нет. Я в порядке...

– Точно?

– Точно.

– Ну, если так, начнем урок!

В классе зашелестели страницы учебников. Лена прижала ладони к пылающим щекам. Катя насмешливо шепнула:

– Что-то не то съела за завтраком?

– Отстань.

– Так морщилась...

– Говорю же – отстань!

Луиза Ивановна обернулась, и девочки тут же уткнулись в учебники. Она улыбнулась:

– Кто скажет, сколько дней осталось до Нового года?

Восьмиклассники загалдели и закричали, перебивая друг друга:

– Две недели!

– Нет, почти три!

– Семнадцать дней!

– Если считать сегодняшний, то восемнадцать!

– А чего его считать, сегодняшний? – возмутился Васька.

– Ну почему, будем считать, – не согласилась Луиза Ивановна. – Тем более день только начался, даже первый урок только-только начался, я еще ни одной двойки не успела поставить...

В классе засмеялись. Гончаров проворчал:

– Сами сказали – Новый год на носу, какие могут быть двойки?

Луиза Ивановна дискутировать не захотела. Посмотрела на часы и сказала, что должна сделать объявление. Предновогоднее и очень важное.

Васька недоверчиво хмыкнул: «важность» и предновогодняя суэта как-то не вязались друг с другом. Катя лениво протянула:

– Если насчет костюмов, так это каждый год повторяется – мол, бал-маскарад, то, се...

– Нет, Ивлева, о костюмах вы и без меня знаете. А я хотела поговорить о конкурсе, объявленном вологодским телевидением.

Класс заинтересованно притих. Луиза Ивановна весело воскликнула:

– Обещано множество призов, а самый главный – туристическая поездка по странам Европы на все время зимних каникул! Причем для трех человек, занявших первые места! И встречи со сверстниками, этот же конкурс проводится не только у нас.

– Клево, – оценил Пашка Смирнов.

– Вот повезет кому-то, – тоскливо проскулила Валя Кудрявцева.

– Так что за конкурс? – нетерпеливо закричал Васька. – Снова вопросы по истории и географии?

– Предновогодний конкурс, – тихо напомнила Лена Плющенко. – При чем тут история с географией?

– Да перед Новым годом вечно проводят всякие дурацкие конкурсы, – отмахнулся Васька. – То танцы-шманцы, то костюмы новогодние, то на лучший номер, типа – разучите, детишки, пару-тройку фокусов или стишки прочтите выразительнее, то рисунки им дайте с елочками и снегом до крыш... Правда, призы раньше были попроще! Интересно, что на этот раз придумали?

Восьмиклассники выжидающе уставились на учительницу. Васька даже привстал, преданно поедая ее глазами.

Луиза Ивановна засмеялась:

– Не буду больше испытывать ваше терпение. Конкурс на этот раз не из простых – на лучшее новогоднее стихотворение!

– Чего?! – ахнула Валя.

– Литературный конкурс, – с удовольствием повторила Луиза Ивановна. – На лучшее новогоднее стихотворение. Можно просто о зиме.

– А почему его объявили всего за восемнадцать дней?! – возмутился Олег Огнев.

– Разве непонятно? Чтобы не утонуть в наших бездарных опусах, – хмыкнул Васька. – Чем меньше времени, тем меньше халтуры к ним попадет. И потом – восемнадцать дней – не так уж мало...

– Ага! Если писать каждый день по три стиха, – фыркнул Олег, – то можно сдать на конкурс... э-э...

– Пятьдесят четыре штучки, – быстро посчитала Вера Сидоренко. – Ничего себе!

– Точно, завалим жюри работой! – хохотнул Олег. – Ради халявной поездки в Европу...

– Даешь по пять стихов в день! – жизнерадостно заорал Васька.

– Матерь божья... – потрясенно прошептала Вера. – Это ж... девяносто штук!

– Вычитите три дня, – улыбнулась Луиза Ивановна, – после двадцать восьмого работы уже не принимаются, двадцать девятого и тридцатого декабря работает жюри, тридцатого же и объявят победителей. – Учительница помолчала и торжественно объявила: – Кстати, все лучшие стихи будут изданы в особом поэтическом сборнике! И, естественно, прозвучат по телевидению в исполнении авторов!

– Хотите сказать, меня все-все увидят по телику?! – восторженно взвизгнула Сидоренко. – Ох, и классно! Мне папулик такое платье из самого Парижа к Новому году привез...

– Ты вначале стих напиши! – раздраженно фыркнула Катя.

– А-а, да чего там сложного? – Вера сияла, будто уже выиграла. – Я тебе прямо сию секунду могу начало выдать! Вот, смотри: с Новым годом поздравляем и здоровья вам желаем!

– Ага! – захохотал Васька. – А дальше: водку-пиво пейте, только не болейте!

– Валенки носите, снегом не скрипите! – весело выкрикнул Огнев.

– И я! И я! – Света Смолкина возбужденно выскочила в проход между партами. – Дед Мороз к вам придет и подарки принесет!

– Кукол, сало, шарики, шоколад, фонарики! – хмуро продолжила Катя.

– Хватит-хватит! Сдаюсь! – Луиза Ивановна подняла руки. И вдруг серьезно сказала: – Только учтите – весь примитив будет отбрасываться на первом же этапе. Это я о «поздравляем, желаем»!

– Значит «шарики-фонарики» можно, – обиделась Вера, – а «поздравляем, желаем» нельзя?

– Можно все. Никаких ограничений. Просто не забывайте: рифма – это еще не поэзия!

– Как это? – Верин лоб прорезала глубокая морщина. – Я всегда считала: стихи – это рифма.

– Не только.

– Сидоренко, ты – дура, – зло прошипела Катя. – Рифмовать могут все, а настоящих поэтов единицы!

– Ивлева, без оскорблений, пожалуйста, – одернула Луиза Ивановна.

– Ага! Не переходим на личности, – подмигнул Кате Васька. – Будем взаимно вежливы!

– Нет, вы мне точно скажите, что нужно кроме рифмы? – капризно потребовала Вера. – Ну, чтобы выиграть?

– Вот это вопрос, – восхитился Олег. – Всем вопросам вопрос!

– Верочка хочет в телевизор, – съязвила Катя. – В новом платье!

– Рецепт, пожалуйста! – крикнул Васька.

– Точно, рецепт – в студию! – выбила звонкий марш по столешнице Рита Сандуленко.

– Разжуйте нам, одноклеточным, – вздохнула Света, – сделайте милость.

– Если не всякий стих поэзия, то что тогда поэзия? – негромко спросила Наташа Подгорная.

– Вот именно – что?

– Элементарно: души частица да первая снежинка, отблеск зари да в шампанском льдинка, улыбка ребенка да посвист синицы, метели вой да рычание львицы... – пробормотала Лена.

– Плющенко – ты гений! – заплодировал Васька. – Рецепт как в аптеке! Только что дальше делать?

– С этими, блин, улыбкой ребенка и отблеском зари? – проворчал Олег.

– И посвистом синицы! – крикнул кто-то.

– Дурачье! Главное тут – души кусочек!

– Не кусочек, а частица!

– А дальше-то, дальше?!

Лена слабо улыбнулась и закончила:

- Все это смешать. Все это слепить. На конкурс отправить. И победить!
 - С ума сойти, – ошеломленно оценила Вера.
 - Прекрасный рецепт, можете использовать, спасибо, Лена! – одобрила Луиза Ивановна. – А теперь начнем урок.
 - Почему – урок? А как же конкурс?! – разочарованно взвыл Васька, не приготовивший домашнее задание.
 - А что – конкурс? Сдаете стихи мне, в конце каждой недели мы их зачитываем на классном часе, отбираем лучшие, я их тут же отправляю по Интернету куда следует.
 - А почему не мы сами? – насупилась Вера. – Скажите нам адрес, мы и без вас отправим!
 - Так решено, видимо, чтобы разгрузить жюри, – пожала плечами Луиза Ивановна. – Они будут выбирать среди более-менее достойных работ, самые беспомощные мы должны отклонить здесь. Это первый этап конкурса.
 - А кто участвует-то? – вяло поинтересовалась Валя.
 - Старшие классы. С восьмого по одиннадцатый включительно.
 - Вот увидите, я обязательно выиграю! – громогласно пообещала Вера Сидоренко.
- Катя враждебно покосилась на нее и подумала, что тоже не против оказаться среди призеров. Поехать в Европу без родителей, со сверстниками...
- Фантастика!

Глава 3

Подруги

Сегодня Катя не убежала домой сразу после уроков, как делала в последние дни. Стояла в дверях и ждала подругу. И злилась, что Плющенко так долго копается. Вечно у нее все валится из рук!

Кате хотелось поговорить о конкурсе. В конце концов, Ленка в стихоплетстве кое-что понимает, они даже когда-то в игру такую играли: называлось слово, а потом они по очереди подбирали к нему рифму. Кто первый пасовал, тот и проигрывал. Если честно, Ленка почти всегда побеждала.

«И читает она намного больше, – неохотно признала Катя. – Прямо запоем читает, из всех библиотек книги тащит, еще и карманные деньги на них тратит, чудачка...»

Катя неприязненно покосилась на подругу и подумала, что с Ленкиной фигурой только и остается, что над книгами чахнуть – кого из нормальных парней такая пышка заинтересует? И простушка, к тому же, смотреть не на что!

«Интересно, она тоже надеется в Европу поехать? Комедия: Верка Сидоренко и Катька Плющенко – победительницы конкурса! Смертельный номер: два жиртреста из Вологодской области покоряют Европу! Правда, Сидоренко намного противнее и толще, Ленка рядом с ней прямо Мэрилин Монро... – Катя хмыкнула: – Вот уж Толик Оболенский обрадуется, если они с ним в одной команде окажутся, а Верка наверняка еще и кокетничать начнет, она себя чуть ли не красавицей считает, дура редкостная, зеркала у них в доме нет, что ли...»

Катя помрачнела, она не сомневалась, что Толик Оболенский выйдет в призы.

Он давно стихи пишет, вся школа об этом знает. Его работы даже в каком-то литературно-художественном альманахе печатали, Ленка, помнится, показывала, она в центральной городской библиотеке журнал брала, вот только как называется этот альманах...

Впрочем, какая разница?

Катя вздохнула: Олег учился в десятом классе и совершенно не обращал на нее внимания. Раньше, конечно, и Катя не очень-то его замечала – подумаешь, стишки свои на школьных вечерах читает! – но вот как узнала, что она из дворянской семьи...

Катя потом у папы спросила, и он подтвердил: Оболенские – очень известная фамилия в царской России. Аристократы. Вроде бы даже князья!

Вот и выходило: они с Толиком – из старинных дворянских родов, не то, что остальные. Почему бы им не дружить или хотя бы не общаться? Это... не Васька Гончаров с его предками-работягами!

Катя криво улыбнулась: вообще-то Оболенский не очень походил на аристократа. И на поэта не походил. Уж слишком большущий и бесцеремонный – ни хрупкости в нем, ни томности, как творческой личности положено. И... грубоватый, да. Даже наглый. А еще стихи пишет!

Катя покраснела, вспомнив, как подошла к Оболенскому на школьном вечере, посвященном Пушкину. Спросила, гордится ли он своей фамилией – ведь не так много после советской власти осталось в России дворян. Само собой, добавила, что тоже может гордиться предками и собственной кровью.

А бессовестный Оболенский заржал как конь! Мол, княжеские фамилии носили в царской России и крепостные крестьяне. Так что сама фамилия ни о чем не говорит. К тому же в нашей стране аристократов не осталось, даже если предки у кого-то и были ими. Ведь дворяне – прежде всего воспитание и образ жизни.

То есть, служба стране, жизнь во благо и ради интересов России, это передавалось из поколения в поколение, а после революции цепочка прервана, к чему теперь зря языком трепать?

Шпарил почти как мама, у Кати даже зубы заныли!

– Значит ты из крепостных? – язвительно поинтересовалась Катя.

– Какая разница? – пожал плечами Оболенский. – Я – это я. Кем себя сделаю, тем и буду. – И будто погрозил кому-то: – А я таки себя сделаю!

Катя растеряннo молчала, Толик весело пояснил:

– Буду первым в своем роду, основателем, так сказать, пусть потомки от меня род считают и мной гордятся. Чтоб не я чей-то там сын или праправнук, а на меня ссылались!

Этот нахал даже не пригласил Катю танцевать! Потрепал по щеке, как малышку-первоклассницу и отошел к парням. А Катя стояла красная от злости, потому что на нее с ехидством смотрели девчонки из параллельного класса. Противный Оболенский всем нравился, вот только подойти к нему никто из восьмиклассниц не осмеливался, одна Катя рискнула.

«И ничего в нем хорошего, – угрюмо сказала себе Катя. – Подумаешь – фамилия! Может, он, правда, из крепостных.

А что? Рост, плечищи – прямо мужицкие, на таком медведе только пахать. А Оболенский стихи кропает, девчонки говорят – в литературный институт собирается. Глаза, конечно, у него...»

Катя раздраженно передернула плечами. Очень не хотелось сознаваться, что Оболенский ей нравится. И его лицо кажется значительным, совсем взрослым, и насмешливые синие глаза никак не забываются. Как и упрямый тяжеловатый подбородок. И выразительный крупный рот. И забавные усики над верхней губой. И сросшиеся темные брови, лохматые и смешные, ни у кого Катя таких не видела...

Катя поморщилась, отгоняя непрошенные мысли, и сердито окликнула подругу:

– Ты тут ночевать собралась?

– Ручку никак не найду, – виновато сказала Лена. – Я ее только вчера купила.

– Ничего, сегодня новую купишь, – отмахнулась Катя. – Ты ее наверняка потеряла или отдала кому-нибудь. И забыла.

– Да нет вроде бы...

– Слушай, пошли, а? Я тебе гелевую отдам, у меня две в сумке, уже надоело в дверях торчать!

– Ладно. Правда, по дороге куплю...

Девочки брели, изредка настороженно поглядывая друг на друга и не прерывая молчание. Смотрели по сторонам. Потоптались у закрытого киоска, вяло повозмущались и пошли к следующему.

Катя перепрыгнула через лужу и раздраженно воскликнула:

– Вот как тут о Новом годе стихи писать, если еще и снега нет? Зима называется! Никакого предновогоднего настроения! Русский Север, тоже мне, а в Европе наверняка считают, что у нас сугробы по крыши намело...

– И мне дожди надоели, – Лена обошла лужу, не решаясь прыгать и проклиная собственную неуклюжесть. – Но я в Интернете смотрела, со следующей недели обещают похолодание.

– На этой неделе тоже обещали снегопады!

– Это да. Они свои прогнозы меняют, как хотят.

Лена поскользнулась на размокшей картонке и едва не упала. Катя поддержала ее под локоть и сердито прошипела:

– Ты когда под ноги смотреть научишься? Все джинсы мне обрызгала, слоняра несчастная!

– Я нечаянно...

– Еще бы ты нарочно!

Лена мучительно покраснела и вырвала локоть. Катя примиряюще заметила:

– Не обижайся, я же не со зла, я по-дружески. И потом, тысячи раз тебе говорила – худеть надо!

Лена промолчала. Катя с деланным равнодушием спросила:

– Ты в конкурсе собираешься участвовать?

– А ты? – Лена отвела глаза.

– Я первая спросила!

– Наверное, буду.

– Да-а? Ты же обычно их игнорируешь!

– Просто... это первый конкурс, в котором я имею хоть какие-то шансы.

– Ты о чем?

– Не могла же я участвовать в конкурсе бальных или народных танцев, – смущенно буркнула Лена. – И любые карнавальные костюмы мне как корове седло, только не говори снова, что худеть нужно! И рисовать я не умею...

– А стихи писать, значит, умеешь? – ехидно поинтересовалась Катя.

– Может, и не умею, – Лена вытащила из кармана куртки десять рублей и свернула к киоску – ручку нужно все-таки купить, пусть и самую дешевую. Обернулась к подруге и хмуро добавила: – Но все равно пишу, понимаешь? Так, для себя.

– И часто?

– Не знаю, – Лена сунула купленную ручку в кармашек сумки. – По настроению. То пусто, то густо.

– А сейчас у тебя есть настроение?

– Сейчас нет. А вот на уроке, когда Луиза Ивановна объявила о конкурсе...

– Хочешь сказать – ты уже одно стихотворение написала? – Катя смотрела недоверчиво.

– Ну... да. Кажется.

– Как это – кажется? Ты что, сама не знаешь – написала или нет?

Лена тяжело вздохнула:

– Понимаешь, когда пишу, мне кажется – все получается, все здорово. А потом, позже...

– И что – позже?

Лена пожала плечами.

– Не нравится, что ли? – спросила Катя.

– Ага. Простенько как-то. Или слишком вычурно. Надуманно. Стишки, а не стихи, понимаешь? Рифма есть, а поэзии...

Катя насмешливо хмыкнула. Лена печально сказала:

– Талант нужен, только кто ж его знает, что это за зверь, есть он или нет...

Девочки помолчали. Свернув во двор – они жили в разных подъездах одного дома – Катя сварливо попросила:

– Все равно прочти, что ты там сегодня наваяла!

– Думаешь, наизусть помню?

– Разве нет?

– Ну, пока не закончу, помню, потому что мучит, – неохотно признала Лена. – Слова цепляются одно за другое, притираются, мешают, пока... не встанут на места.

– А когда встанут? – с любопытством спросила Катя.

– Тогда забываю. Тогда другое в голову лезет. Что-нибудь новое. Даже иногда не заснуть, представляешь?

– Нет, не представляю, – буркнула Катя. Остановилась у своего подъезда и сердито спросила: – Значит, не прочтешь?

Лена неохотно полезла в сумку. Долго копалась, выуживая нужную тетрадь. Вырвала лист и протянула подруге:

– Вот. Сама читай.

– Ничего себе – накалякала! – ахнула Катя. – Тут же черт ногу сломит!

Лена заглянула через плечо и угрюмо подсказала:

– Это... черновик. Ты на другой стороне смотри, я там набело переписала.

Катя перевернула лист и пробормотала:

– Это уже на что-то похоже, хотя почерк у тебя... Как курица лапой, вот честное слово!

Лена хрипло откашлялась. Она то краснела, то бледнела от волнения, ожидая суда подруги.

Катя небрежно прочла вслух:

– Новый год в России! Это, я так понимаю, название.

Лена кивнула и жалко улыbnулась.

– Э-э... ну, что там у нас? Ага... читаю с выражением:

Шампанское, икра, маслины, шоколад,
Салаты, утка, апельсины, виноград...
Часы безжалостны, вот-вот через порог
Гостей пойдет поток.
Притихли дети в ожиданье сказки,
Владычица сердец сверкает мишурой.
И лица взрослых прячутся под маски,
Они всего раз в год живут игрой.
Все замерли... Курантов звучный бой
Россию в Новый год зовет с собой!

Лена разжала кулаки и машинально посмотрела на ладони: следы ногтей выделялись отчетливыми полумесяцами.

– Ну... как? – прошептала она.

– Ничего вроде бы, – Лена легкомысленно помахала в воздухе листком. – Только я пока не очень поняла, мне нужно дома спокойно посмотреть. И прочесть еще раз, не спеша. Хорошо?

– Ну... ладно.

– Тогда пока!

Глава 4

Папка на рабочем столе

Катя вяло ковыряла вилкой в тарелке, аппетита совершенно не было. И настроения идти в школу не было, одно радовало: сегодня пятница, завтра-послезавтра выходные. Слава Богу, с середины декабря отменили занятия по субботам, школа готовилась к новогодним праздникам, слишком много времени занимали репетиции.

Катя подошла к окну и хмуро улыбнулась: наконец-то падал снег. Редкие крупные хлопья тяжело опускались на влажный подоконник и практически сразу таяли. И на асфальте снег не хотел лежать, зато траву на газонах словно крупной солью посыпали. Никак в этом году не устанавливались морозы, а ведь уже восемнадцатое число...

Катя прижалась лбом к прохладному стеклу и подумала, что не помнит такого несуразного декабря. Приближение Нового года почти не чувствуется, хотя город старательно украшают, на площадях и у всех крупных магазинов установили живые елки, все-таки через неделю католическое рождество, его полмира отмечает.

В родительской спальне что-то с грохотом упало, Катя оглянулась и пожала плечами: мама с папой в последнее время вели себя странно. Все время запирались у себя и о чем-то спорили, мама даже плакала.

Катя вначале переживала, у Риты Сандуленко недавно разошлись родители, а вдруг...

Рита рассказывала: они почти полгода перед разводом ругались. Мать вечерами рыдала, а отец не всегда приходил ночевать, а если и возвращался домой, то очень поздно, и они сразу же начинали скандалить. Рита учиться хуже стала, с ума сходила, чувствовала себя виноватой непонятно с чего. И не знала, с кем хочет остаться – с отцом или матерью. А ее никто и не спрашивал! Просто однажды отец исчез на целую неделю, в квартире стало тихо-тихо, словно кто-то умер. А потом мама сказала, что они развелись. Цивилизованно. А с папой Рита может встречаться на «нейтральной» территории. А где она, эта нейтральная территория? Весь мир, получается, кроме Ритино дома. И отец затерялся на этих квадратных километрах, будто его никогда и не было. И Риту в самом деле нашли в капусте, как заверяли в раннем детстве. Лучше б и правда – ее аист принес!

Катя, прислушиваясь вечерами к сердитым родительским голосам, чуть не заболела, так ей было страшно. И позавчера не выдержала: взяла и зашла в спальню прямо во время очередной ссоры. И закричала, размазывая по лицу злые слезы:

– Учтите, если вы надумали разбежаться, как Риткины предки, я ни с кем из вас не останусь, потому что вы оба предатели! Я лучше из дома уйду, да! Бродягой стану или к бабушке в Ростов уеду!

Катя не помнила толком, чем грозила родителям, а пришла в себя от громкого папиного смеха. И мама как-то чересчур весело ее заверила, что они с папой разводиться не собираются, они нежно любят друг друга и надеются умереть в один день. На что папа закричал – чур, он раньше. А мама показала ему кулак и заявила, что как джентльмен он должен уступать дорогу дамам, а уж ТАМ она его подождет, пусть не переживает. И Катя совершенно успокоилась.

А вот из-за чего они ссорились практически каждый день, мама с папой отказались говорить наотрез. Мол, много будешь знать, плохо будешь спать. Или: любопытному на днях оторвали нос в дверях. Еще: любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

Короче, отделались шуточками! И почти убедили Катю, что никак не могут договориться насчет некоторых «аспектов» празднования Нового года и Рождества. А Катя даже толком не знала, что такое «аспекты». Хотела заглянуть в словарь, но так и не собралась.

Катя повернулась к столу и хмыкнула: мама с папой со своими «аспектами» явно сошли с ума. Омлет в тарелках совсем остыл, а кофе в чашках подернулся противной белесой пленкой. И на работу они могут сегодня опоздать, если не вспомнят о времени.

Интересно, из-за чего сыр-бор? Может, папа вдруг решил встретить Новый год в настоящем лесу у заснеженной елки, помнится, он когда-то предлагал, а мама его высмеяла? Или маме приспичило лететь в Ростов – мол, во всем мире дети к Рождеству едут к родителям и вместе с ними сидят за праздничным столом, при горящих свечах. К тому же бабушка так чудно печет пироги, а рождественского гуся дедушка лично откармливает к празднику грецкими орешками...

Катя на цыпочках подошла к родительской спальне, надеясь хоть что-нибудь услышать и понять, что происходит. Но ей не повезло, как раз в этот момент папа распахнул перед мамой дверь и подмигнул дочери:

– Подслушиваем?

– Вот еще! – обиделась Катя. – Просто хотела сказать: все давно остыло, а вы можете опоздать на работу.

– Никогда! – папа энергично помахал перед Катиным носом пальцем. – Никогда уважающий себя мужик никуда не опоздает! Разве только из-за форс-мажорных обстоятельств...

– Это каких-таких «форс-мажорных»? – заинтересовалась Катя: вдруг в школе пригодится?

– Ну, небо рухнет на землю или я попаду под машину... – почесал затылок папа.

– Типун тебе на язык! – прикрикнула мама.

Папа засмеялся. Мама притянула к себе дочь и нежно поцеловала в лоб. Потом бросила на Катю затуманенный слезами взгляд, и голос ее дрогнул от волнения:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.